

УДК 141

КАКОГО ЖЕ МАРКСА МЫ ЧИТАЕМ? ЧАСТЬ 2

Кондрашов Петр Николаевич,

Институт философии и права
Уральского отделения Российской академии наук,
старший научный сотрудник,
кандидат философских наук,
Екатеринбург, Россия,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Аннотация

В статье показано, что в русскоязычных изданиях работ К. Маркса некоторые философские понятия (*menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*) были переведены словами с производственно-экономическим смыслом, в то время как у самого Маркса они в различных контекстах несут в себе философско-антропологические и экзистенциальные коннотации. Такие переводы привели к радикальному извращению философии Маркса. Автор делает вывод о необходимости нового адекватного перевода трудов Маркса и о переосмыслении всей его философской системы.

Ключевые слова:

философия К. Маркса, философская терминология, перевод, семантические коннотации.

В предыдущем разыскании были рассмотрены неточности переводов таких важнейших понятий философии К. Маркса, как *Arbeit*, *Praxis*, *Selbstbetätigung*, *produktiv Leben*, *Produktivkräfte*, *Produktionkräfte*, *Aufhebung der Arbeit*, *Erzeugung*, *erzeugen*, *Produktion*. Здесь мы рассмотрим понятия *menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*.

Verkehr. Одной из базовых категорий философии Маркса и становящегося материалистического понимания истории является понятие *Verkehr*. Однако стоит только посмотреть на русские переводы этого термина, как становится ясным: мы

читаем не самого Маркса, а что-то к нему имеющее весьма отдалённое отношение. В. Ф. Шелике справедливо указывает, что это понятие, означающее *общение в самом широком смысле*, в собрании сочинений обычно переводят как *обмен*, связывая его только с *производственными отношениями*, упуская при этом радикально широкие семантические поля этого немецкого слова [13]. Приведём пару примеров такого перевода.

Уже в знаменитом письме П. В. Анненкову (1846) Маркс говорит о многозначности немецкого слова *Verkehr*, сравнивая его с французским *commerce*, но сам использует эти слова ещё в очень узком смысле,

который радикально расширен им уже в «Немецкой идеологии» (1846–1847) [6].

В «Манифесте» (1848) Маркс и Энгельс пишут: «Wir sehen also, wie die moderne Bourgeoisie selbst das Produkt eines langen Entwicklungsganges, einer Reihe von Umwälzungen in der Produktions- und **Verkehrsweise** ist» [22, s. 464], у нас же переводят: «Мы видим, таким образом, что современная буржуазия сама является продуктом длительного процесса развития, ряда переворотов в **способе** производства и **обмена**» [10, с. 426]. На самом деле Маркс и Энгельс здесь имеют в виду не *обмен*, а те *многочисленные отношения*, которые порождаются способами производства. Среди этих многообразных *отношений* располагается и *обмен*, как частная форма *отношений-вообще*.

Этот момент становится более понятным в контексте предмета исследования «Капитала» (1867). В немецком тексте «Das Kapital» стоит: «Was ich in diesem Werk zu erforschen habe, ist die kapitalistische Produktionsweise und die ihr entsprechenden Produktions- und **Verkehrsverhältnisse**» [17, s. 12]. Русский читатель читает: «предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему **отношения** производства и **обмена**» [5, с. 6]. На самом же деле у Маркса имеет место более широкий контекст понимания *Verkehr*. Как нам представляется, немецкий мыслитель имеет в виду следующее: «предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему Produktions- und **Verkehrsverhältnisse**» [17, s. 12], т. е. «**отношения** производства и **общения**». Стало быть, Маркс имеет в виду то, что он исследует капиталистический способ производства и порождаемые этим способом производства производственные отношения («отношения производства») и «**отношения общения**», т. е. *общественные отношения в самых разных сегментах*

человеческого бытия («социального универсума»). Так, в подстрочном примечании 1 Маркс говорит «о связи между производственными отношениями и способом производства» [5, с. 6] («über den Zusammenhang zwischen Produktionsverhältnissen und Produktionsweise» [17, s. 11]).

Фраза «отношения производства и отношения обмена» выглядит просто нелепо в свете примечания к «Немецкой идеологии» (1845–1846), где редакторы указали, что, дескать, в понятии *Verkehr* нашло своё выражение формировавшееся тогда у основоположников понятие *производственных отношений* [11, с. 590–591]. В.Ф. Шелике справедливо возмущается: «Понять на этой основе, что же имел в виду Маркс (подставьте, получится: «Предметом моего исследования является капиталистический способ производства и соответствующие ему отношения производства и производственные отношения»), – невозможно в принципе» [14]. Более того, во Введении к Grundriß (1957) Маркс прямо указывает, что он желает исследовать не просто «обмен», а именно «Produktionsverhältnisse und Verkehrsverhältnisse» [21, s. 43], – благо, что здесь дан верный перевод: «Производственные отношения и отношения общения» [8, с. 46].

Не подлежит сомнению, что для Маркса *Verkehr* – это фундаментальное понятие, посредством которого описывается *движение любых социальных структур*, в том числе и экзистенциальных: то, как люди производят и в силу самой организации производства общаются; то, как в зависимости от производственных структур они обмениваются (дарообменом, грабежом, бартером, куплей-продажей); то, как эти отношения производства, обмена и распределения постепенно переносятся на межличностное общение (например, меркантильные отношения к-Другим в буржуазном обществе [8, с. 103–108]), коммуникацию, на отношения между

родителями и детьми, между мужчиной и женщиной [9, с. 115–116], внутриклассовые и межклассовые отношения; наконец, то, как внутренний, интимный мир постепенно приходит в соответствие господствующему способу производства и формам общения, им детерминированных (например, если всё продаётся, то и любовь, – а *Verkehr* – это и половая связь [«без общения и дети на свет появиться не могут, а следовательно без общения не будет людей и прекратится всякая история, как прекратится она и без производства средств для жизни!» [14]], – тоже начинает протитуироваться). Соответственно, базисные (производственные) формы *Verkehr*'а постепенно, шаг за шагом пронизывают, пропитывают собой человеческие отношения вообще (от отношения к вещам до экзистенциального отношения к самому себе).

Таким образом, *Verkehr* следует понимать в контексте марксовского понятия *человеческого отношения к миру* [12], в рамках развёртывания которого надо учитывать имманентную диалектику человеческого способа бытия в мире – диалектику праксиса: в процессе реализации праксиса человек вступает в *отношения* с предметностью, данной ему в его непосредственном окружении, преобразует эту предметность, и тем самым конституирует свою *окружающую предметную среду* (*Umwelt*). Но так как праксис всегда осуществляется совместно с Другими, то отношения-общения с ними формируют *мир людей* (*Mitwelt*), который, будучи интегрирован в психике индивида, образует его *собственный мир* (*Eigenwelt*). Стало быть, *мир* можно понять только через *человека*, создающего и осваивающего этот мир, *человеческим образом относящегося к миру*, а *человека* можно понять только через тот *мир*, в котором этот человек обретается [3, с. 211–220].

Äußerung и Aneignung. Основой того, как человек обретается в этом мире, с точки

зрения Маркса, является преобразование этого мира в процессе *диалектического взаимодействия* с ним, в результате чего *созидается новое* [4]. Такое взаимодействие осуществляется в двух процессах: *Äußerung* и *Aneignung*. Для Маркса *сущностью человека* является сознательная *преобразующая* продуктивная деятельность. Что же происходит в процессе развёртывания этой деятельности? В самом общем виде следующее: у человека, как живого существа, имеются потребности, которые сначала идеально репрезентируются в виде некоторых *целей* (образов, предвосхищающих будущий результат деятельности) и порождают в сознании *образ, идею предмета*, необходимого для удовлетворения *этой* потребности. Затем *цели и идеи, порожденные потребностью*, посредством трудовых операций *оформляются и воплощаются* в природном материале и тем самым человек *производит-для-себя предметность, новое, искусственное бытие*, не встречающееся в естественной эволюции природы *вне преобразующей* субъект-объектной активности человека.

Иначе говоря, *внутреннее* человека (проекты, идеи, эмоции, знания, в целом – его *душа*) *переходит* во *внешнюю* объективную вещь (Маркс этот момент праксиса называет термином *Äußerung* – *отсвоением, проявлением себя в мире*) и застывает в ней, *опредмечивается*. Обратный переход воплощенного в предмете идеального снова к человеку осуществляется только в процессе *распредмечивания* (*Aneignung, Genuß, усвоения, делания-предмета-своим, присвоения предмета себе*), когда «покоящееся свойство» (*ruhende Eigenschaft*) из предмета обратно переходит в форму деятельности (*Unruhe*) [5, с. 191–192], т. е. когда другие люди, используя предметность (пользуясь вещью, читая текст, слушая мою речь или музыку, воспринимая и интерпретируя мои жесты, выражение моего лица, воспринимая моё настроение),

в своих действиях воспроизводят заложенное мною в ней *идеальное* содержание (*орудийную логику предмета*).

Но этот живой диалектический процесс перетекания, высвечивания друг в друге *Äußerung* и *Aneignung* в русских переводах бездушно передают с помощью диалектики категорий *производства* и *потребления*. Да, *формально* это верно, ибо именно через деятельность *производящую* и деятельность *потребляющую*, через *производство* материальных и духовных предметов и их *потребление* в процессах опредмечивания и распредмечивания люди *связываются* друг с другом в социальную тотальность: в действительности человек «существует, с одной стороны, как созерцание общественного бытия и действительное пользование [wirklicher Genuß] им, а с другой стороны – как тотальность человеческого проявления жизни [Totalität menschlicher Lebensäußerung]» [9, с. 591].

Но посмотрите, как, в противоположность сухим *производству* и *потреблению*, Маркс говорит, например, о феномене *присвоения* (*Aneignung*): «Присвоение человеческой действительности [Die Aneignung der menschlichen Wirklichkeit], её отношение к предмету, это – *осуществление на деле человеческой действительности*, человеческая *действительность* и человеческое *страдание*, потому что страдание, понимаемое в человеческом смысле, есть самопотребление [Selbstgenuß] человека» [9, с. 592]. А ниже Маркс добавляет: «Поэтому человеческая действительность столь же многообразна, как многообразны *определения* человеческой *сущности* и человеческая *деятельность*» [9, с. 592].

Ökonomie. Много путаницы возникло и возникает в связи с употреблением Марксом понятия *экономика* и производных от него терминов. Большой частью интерпретаторы Маркса исходят из того, что автор

«Капитала» был «экономистом» в узком, современном смысле этого слова, хотя марксова политическая экономия никакого отношения к *economics* не имеет, она больше соответствует современным междисциплинарным исследованиям, объединяющим социальную философию, макроэкономический анализ, историю, социологию, социальное прогнозирование, социологию знания и даже этику. Стоит напомнить, что основатель классической политэкономии Адам Смит был профессором моральной философии. В этом смысле Маркс не был «чистым экономистом», экономистом *par excellence*.

Более того, следует признать, что марксово употребление термина «экономика» в большей степени восходит не к Адаму Смиту, Джону Стюарту Миллю или Давиду Риккардо, а к... *Аристотелю*. Известное разделение Аристотелем экономической деятельности на *собственно экономику* («домашнее», ойкосное – индивидуальное и полисное – хозяйство, т. е. хозяйственную деятельность, направленную на удовлетворение потребностей, что очень хорошо передаётся немецким словом *Wirtschaft*) и *хрематистику* (хозяйственную деятельность, осуществляемую с целью накопления богатства; у Маркса можно встретить термин *Judentum*, *еврейство*, как синоним ростовщичества) [1] было воспринято Марксом с воодушевлением, и выразилось в различении двух значений понятия «экономический»: как *собственно хозяйственной деятельности*, и как *господства товарного производства и накопления капитала*.

Такое различение двух семантик экономики у Маркса особенно важно для адекватного понимания рубрики «*общественная формация*», ибо все формации являются экономическими в первом (ойкосном) смысле, но только капиталистическая формация есть формация экономическая во втором (хрематистическом) смысле. Именно из-за этого

непонимания и возникали разного рода трудности в общей интерпретации материалистического понимания истории и теории общественных формаций.

Следует отметить, что К. Маркс в основном употребляет термин «*экономическая общественная формация*», а не «*общественно-экономическая формация*». Разница между понятиями, обозначенными этими терминами, фундаментальна. Все общественные формации являются «*общественно-экономическими*», ибо понятие «*экономика*» в данном случае употребляется в широком смысле как *производство материальных благ, как хозяйство* (что мы встречаем уже у Ксенофонта, согласно которому экономика – *τὰ οἰκονομικά, ἡ οἰκονομία* – есть *заведование домашним хозяйством, домохозяйство, а ὁ οἰκονομικὴ τέχνη* – *искусство ведения хозяйства*; об Аристотеле мы сказали выше), но только одна формация оказывается собственно *экономической общественной*, – здесь понятие «*экономика*» используется уже в узком смысле как *производство продуктов в качестве товаров*, и хозяйство рассматривается уже не как производство материальных благ для удовлетворения материальных потребностей, то есть не как производство потребительных ценностей, а как производство стоимостей *меновых*, ради них же самих (т. е. как *хрематистика* в аристотелевском смысле).

Именно поэтому политическая *экономика* как наука возникает именно в эпоху капитализма, в котором *экономический (товарно-денежный)* момент производства доведен до предела: производство ради прибыли, а не ради общественных потребностей людей, производство ради денег, а не ради человека. «Вот почему, – пишет Ф. Энгельс, – политическая экономия, наука о способах наживать деньги, является излюбленной наукой этих торгашей. Каждый из них – политико-эконом» [16, с. 497].

Изначально политическая экономия представляет собой «*науку*» о том, как «с тем же количеством труда произвести больше товара, следовательно, удешевить товары и ускорить накопление капитала» [5, с. 377]. Более того, буржуазная политическая экономия рассматривает только количественную сторону дела и меновую стоимость продуктов труда (в то время как классическая древность обращает внимание исключительно на качество и на потребительную ценность) что детерминируется тотальным характером товарно-денежных (меновых) количественных отношений. Именно в контексте такого словоупотребления необходимо, как представляется, понимать различие Марксом узкого и широкого смыслов понятий «*экономика*» и «*экономический*».

Таким образом, *только во вторичной формации экономические (товарно-денежные) отношения играют решающую роль*. Экономика в данном контексте понимается как *производство потребительных ценностей как продуктов частных работ, субъекты которых вступают в контакт исключительно путем обмена, то есть производство выступает в виде созидания меновых стоимостей*. Товарное производство достигает своего наиболее полного осуществления только в капиталистическом способе производства. В первичной же и третичной формациях в качестве производственного базиса выступают совершенно иные формы человеческой деятельности. Там нет «*экономических отношений*» в их *товарно-денежной* форме. Но это не означает, что там нет «*экономики*» (в смысле хозяйства). Поэтому *экономическая интерпретация истории как некоторая всеобщая парадигма, приложимая ко всей человеческой истории, у Маркса отсутствует*: экономическими факторами объясняются только способы производства в рамках экономической общественной формации,

и прежде всего – в капиталистическом способе производства.

Das ensemble. В «Тезисах о Фейербахе» Маркс говорит, что «Aber das menschliche Wesen... In seiner Wirklichkeit ist... das **ensemble** der gesellschaftlichen Verhältnisse» [19, s. 6]. Маркс здесь употребляет французское слово *ensemble*, ансамбль (и даже пишет его не на немецкий манер с заглавной, а с прописной буквы, хотя и с артиклем среднего рода). В русском переводе это *ensemble* передано как *совокупность*: «Но сущность человека... в своей действительности... есть **совокупность** общественных отношений» [7, с. 3].

Различие сразу же бросается в глаза: если у Маркса речь идёт о *живой гармоничности* и *созвучности* (пусть даже и в смысле гераклитовской *ἀρ-μονία* как слаженности противоречий), то в русском варианте с «совокупностью» мы большей частью слышим коннотации *мёртвости*, *конгломерата*, *равнодушного соединения*. Отсюда и восприятие русским читателем марксова определения сущности человека как чего-то механического, как некоторой внутренне безразличной суммы общественных отношений, в то время как у него на самом деле речь идёт именно о *живой связи*, *живом общении* (*Verkehr*), о некоторой *сыгранности*: общественные отношения здесь, в 6-ом тезисе, выступают как бы в качестве музыкантов слаженно сыгранного коллектива.

Versachlichung. Одной из важнейших категорий, используемых Марксом в *Grundriß* и «Капитале», является понятие *Versachlichung*. В традиционном переводе этот термин Маркса переводят как *овеществление*. Но такой перевод радикально «уводит» нас от адекватного понимания того, что имеет в виду здесь Маркс. Русское *овеществление* означает *превращение в вещь*, и в этом отношении совпадает с *опредмечиванием*, т. е. с во-

площением, объективизацией (сознания, труда) в некий предмет, в *вещное тело*. Для обозначения этого процесса Маркс обычно употребляет термин *Vergegenständlichung*, *опредмечивание*. Например, в рукописях 1844 года он пишет: «Продукт труда есть труд, закреплённый в некотором предмете, овеществлённый в нём, это есть *опредмечивание* труда. Осуществление труда есть его *опредмечивание*» [9, с. 560–561; 18, s. 511–512].

В некоторых ранних произведениях Маркс, ещё следуя гегелевской традиции, рассматривает *опредмечивание* как отчуждение, однако в более зрелых работах (и даже уже в тех же рукописях 1844 года) он чётко понимает, что *опредмечивание* представляет собой необходимый момент *любого* труда, в то время как феномен отчуждения возникает только при определённых социальных условиях, в которых осуществляется труд, а именно в условиях частной собственности, товарного производства и господства тотальных товарно-денежных отношений. Именно в таких условиях происходит *превращение социальных отношений из личных в вещные*, т. е. в *отношения вещей*: человеческая деятельность и отношения между людьми видятся только как отношения ролевые, т. е. *отношения между людьми принимают видимость отношений между вещами*. Вот такой процесс Маркс и называет термином *Versachlichung*, который следует передавать русским словом *овещнение* (как это в своё время предложил Г.С. Батищев [2, с. 459–477]), чтобы не путать его с *овеществлением*, *опредмечиванием*.

Таким образом, следует чётко различать у Маркса «*овеществление*» (*Vergegenständlichung*, вернее: *опредмечивание*) и «*овещнение*» (*Versachlichung*). Именно в этом смысле Маркс говорит о «персонификации вещей и овеществлении [овещнении] лиц» [*Personifizierung der*

Sache und Versachlichung der Personen]» [5, с. 124] в товарно-денежном взаимодействии.

Menschlich. Это немецкое прилагательное практически везде переведено как *человеческий* (*die menschliche Arbeit* – *человеческий труд*, *die menschliche Gesellschaft* – *человеческое общество*). Но в немецком языке данное слово, помимо своего основного значения *человеческий*, означает также *человечный*, *гуманный*; *по-человечески сносный*; *достойный человека*. Поэтому, когда Маркс говорит о коммунизме как о *die menschliche Gesellschaft*, то он говорит не просто о *человеческом* обществе, а об обществе *человечном*. Любое общество – общество *человеческое*, но только общество коммунистическое, общество, в котором преодолено обесчеловечивающее отчуждение, является ещё и обществом *человечным*.

Только сквозь призму такого перевода можно понять слова Маркса о том, что «характер человека создается обстоятельствами (*Umständen, условиями жизни*), то надо, стало быть, сделать обстоятельства **человечными**» [11, с. 145–146] и «обстоятельства в такой же мере творят людей, в какой люди творят обстоятельства» [11, с. 37], то и религию можно элиминировать не путём расстрелов священников и разрушения храмов в духе «воинствующего материализма» В.И. Ленина и Е. Ярославского, а только путём практического устранения земной основы религии, то есть того «бессердечного мира», в котором обретается человек.

Выводы. Проблема адекватного прочтения и перевода основных терминов Маркса является уже давным-давно назревшей. И её решение должно привести к радикальной ревизии той философской терминологии Маркса, которая сложилась на сегодняшний день как в отечественном, так и в зарубежном марксологическом. Сегодня уже нельзя читать Маркса сквозь сталинские категориальные

схемы и матрицы, к самому Марксу никакого отношения не имеющие. А ведь этими установившимися схемами и стереотипами искренне пользуются не только критики марксизма, но и сами марксисты, не отдавая себе отчета, что это – *не марксизм*. Мы видим, что в некоторых случаях те или иные понятия Маркса, даже погруженные в экономический контекст, нельзя переводить словами с явно производственно-техническими коннотациями, ибо тем самым ускользает философско-антропологический и даже в некотором отношении экзистенциальный смысл марксовской терминологии. В силу всего этого, как нам представляется, сегодня назрела потребность не только в новых переводах основных работ немецкого мыслителя, но и необходимость в радикальном переосмыслении всей его философии.

Наконец, наше небольшое разыскание хотелось бы завершить вопросом Ф. Энгельса, относящимся как раз к переводам текстов К. Маркса: «Мы вправе спросить: «Понимаешь ли ты то, что ты читаешь?»» [15, с. 241].

1. Аристотель. Политика // Аристотель. Сочинения: В 4-х т. Т. 4 / Пер. с древнегреч.; общ. ред. А.И. Доватура. – М.: Мысль, 1983. С. 375–644.

2. Батищев Г.С. Проблемы и трудности перевода некоторых Марксовых философских понятий // Хамидов А.А. Философия истории Карла Маркса. – Алматы: Институт философии, политологии и религиоведения КН МОН РК, 2014. С. 459–477.

3. Кондрашов П.Н. Онтологические структуры историчности: Исследование философии истории Карла Маркса / Под ред. К.Н. Любутина. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014. – 320 с. (Размышляя о марксизме. № 96).

4. Кондрашов П.Н. Философия праксиса Карла Маркса // Вопросы философии. 2016. № 10.

5. Маркс К. Капитал I // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1960. Т. 23. С. 5–784.

6. Маркс К. Письмо П.В. Анненкову, 28 декабря 1846 г. // К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения. – М.: Политиздат, 1962. Т. 27. С. 401–412.

7. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 1–4.

8. Маркс К. Экономические рукописи 1857–1859 гг. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. – М.: Поли-

тиздат, 1968. Т. 46. Ч. I. С. 3–508.

9. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Маркс К., Энгельс Ф. Из ранних произведений. – М.: Политиздат, 1956. С. 517–642.

10. Маркс К., Энгельс Ф. Манифест коммунистической партии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 4. С. 419–459.

11. Маркс К., Энгельс Ф. Немецкая идеология // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1955. Т. 3. С. 9–544.

12. Шелике В.Ф. К. Маркс и Ф. Энгельс об общении как одном из видов человеческого отношения к миру // Дialeктика познания, понимания, общения. Сборник научных трудов. – Фрунзе: КГУ, 1986. С. 84–93.

13. Шелике В.Ф. Непознанный Маркс и некоторые проблемы современности (Часть 3) // Философские науки. 2013. № 5. С. 120–130.

14. Шелике В.Ф. Обесчеловечивание Маркса «марксистско-ленинскими» переводами с немецкого // <http://hanguest.narod.ru/Freunde/menschlich.htm>.

15. Энгельс Ф. Как не следует переводить Маркса // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. – М.: Политиздат, 1961. Т. 21. С. 237–245.

16. Энгельс Ф. Положение рабочего класса в Англии // Маркс К., Энгельс Ф. Соч., 2-е изд. М.: Политиздат, 1955. Т. 2. С. 231–517.

17. Marx K. Das Kapital // Marx K., Engels F. Werke. B. 23. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–802.

18. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

19. Marx K. Thesen über Feuerbach // Marx K., Engels F. Werke. B. 3. – Berlin: Dietz Verlag, 1978. S. 5–7.

20. Marx K., Engels F. Die heilige Familie // Marx K., Engels F. Werke. B. 2. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 3–223.

21. Marx K., Engels F. Einleitung zu den Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 42. – Berlin: Dietz Verlag, 1983. S. 15–768.

22. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 4. – Berlin: Dietz Verlag, 1977. S. 459–493.

1. Aristotel'. Politika // Aristotel'. Sochineniya: V 4-x t. T. 4 / Per. s drevnegrech.; obshh. red. A.I. Dovatura. – М.: Mysl', 1983. S. 375–644.

2. Batishhev G.S. Problemy i trudnosti perevoda nekotorykh Marksovykh filosofskikh ponyatij // Xamidov A.A. Filosofiya istorii Karla Marksa. – Almaty.: Institut filosofii, politologii i religiovedeniya KN MON RK, 2014. S. 459–477.

3. Kondrashov P.N. Ontologicheskie struktury istorichnosti: Issledovanie filosofii istorii Karla Marksa / Pod red. K.N. Lyubutina. – М.: Knizhnyy dom «LIBROKOM», 2014. – 320 s. (Razmyshlyaya o marksizme. № 96).

4. Kondrashov P.N. Filosofiya praksisa Karla Marksa // Voprosy filosofii. 2016. № 10.

5. Marks K. Kapital I // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. – М.: Politizdat, 1960. T. 23. S. 5–784.

6. Marks K. Pis'mo P.V. Annenkovu, 28 dekabrya

1846 g. // K. Marks, F. E'ngel's. Sochineniya. – М.: Politizdat, 1962. T. 27. S. 401–412.

7. Marks K. Tezisy o Fejerbaxe // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. – М.: Politizdat, 1955. T. 3. S. 1–4.

8. Marks K. E'konomicheskie rukopisi 1857–1859 gg. // Marks K., E'ngel's F. Soch. 2-е изд. – М.: Politizdat, 1968. T. 46. Ch. I. S. 3–508.

9. Marks K. E'konomicheskoe-filosofskie rukopisi 1844 g. // Marks K., E'ngel's F. Iz rannix proizvedenij. – М.: Politizdat, 1956. S. 517–642.

10. Marks K., E'ngel's F. Manifest kommunisticheskoy partii // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. – М.: Politizdat, 1955. T. 4. S. 419–459.

11. Marks K., E'ngel's F. Nemeckaya ideologiya // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. – М.: Politizdat, 1955. T. 3. S. 9–544.

12. Shelike V.F. K. Marks i F. E'ngel's ob obshhenii kak odnom iz vidov chelovecheskogo otnosheniya k miru // Dialektika poznaniya, ponimaniya, obshheniya. Sbornik nauchnyx trudov. – Frunze: KGU, 1986. S. 84–93.

13. Shelike V.F. Nepoznannyj Marks i nekotorye problemy sovremennosti (Chast' 3) // Filosofskie nauki. 2013. № 5. S. 120–130.

14. Shelike V.F. Obeschelovechivanie Marksa «marksistsko-leninskimi» perevodami s nemeckogo // <http://hanguest.narod.ru/Freunde/menschlich.htm>.

15. E'ngel's F. Kak ne sleduet perevodit' Marksa // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. – М.: Politizdat, 1961. T. 21. S. 237–245.

16. E'ngel's F. Polozhenie rabocheho klassa v Anglii // Marks K., E'ngel's F. Soch., 2-е изд. М.: Politizdat, 1955. T. 2. S. 231–517.

17. Marx K. Das Kapital // Marx K., Engels F. Werke. B. 23. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 11–802.

18. Marx K. Ökonomisch-philosophischen Manuskripten aus dem Jahre 1844 // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 40. – Berlin: Dietz Verlag, 1968. S. 465–588.

19. Marx K. Thesen über Feuerbach // Marx K., Engels F. Werke. B. 3. – Berlin: Dietz Verlag, 1978. S. 5–7.

20. Marx K., Engels F. Die heilige Familie // Marx K., Engels F. Werke. B. 2. – Berlin: Dietz Verlag, 1962. S. 3–223.

21. Marx K., Engels F. Einleitung zu den Grundrissen der Kritik der politischen Ökonomie // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 42. – Berlin: Dietz Verlag, 1983. S. 15–768.

22. Marx K., Engels F. Manifest der Kommunistischen Partei // Marx K., Engels F. Werke. Bd. 4. – Berlin: Dietz Verlag, 1977. S. 459–493.

Автор выражает глубокую благодарность за критические замечания и помощь в работе над данной статьей Вальтраут Шелике, Георгию Шелике (Москва), Валерию Чеховскому (Подстдам, Германия), Рольфу Хеккеру (Берлин, Германия) и Анастасии Артёмовой (Екатеринбург).

UDC 141

WHICH MARX WE READ? PART 2

Kondrashov Pyotr Nikolaevich,

The Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Senior Researcher, Ph.D.,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: stif.lo@rambler.ru

Annotation

The article considers, that in Russian-speaking editions of K. Marx's works some philosophical concepts (*menschlich*, *Versachlichung*, *ensemble*, *Ökonomie*, *Äußerung*, *Aneignung*, *Verkehr*) were translated as words with the productive and economic sense while Marx put philosophical, anthropological and existential connotations into these words in various contexts. Such translations led to a radical perversion of whole the Marx's philosophy. The author of the article draws a conclusion about necessity of new adequate translation of Marx's works and about radical reconsideration of his philosophical system.

Key words:

K. Marx's philosophy, philosophical terminology, translation, semantic connotations.